

Е. М. ШАБШАЕВИЧ

*Московский государственный институт музыки
им. А. Г. Шнитке*

УДК 78.072.2

ДИРЕКЦИЯ ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ И МОСКОВСКАЯ КОНЦЕРТНАЯ ЖИЗНЬ XIX ВЕКА

Организация концертов в императорской России на протяжении XVIII – XIX веков была делом нелёгким и связанным с большими хлопотами. Немало препон для организаторов публичных зрелищ (а концерты относились к таковым) предоставляло российское законодательство: в нём было жёстко определено время и порядок устройства концертов; каждое мероприятие требовалось согласовывать с местным градоначальником и полицмейстером.

Однако приходится констатировать, что для желающих устроить концерт в обеих столицах, в частности, в Москве, в XIX веке главной преградой была даже не полиция, а *Дирекция Императорских театров* (ДИТ). Контора ДИТ, аки Аргус, стерегла свои творческие и финансовые сокровища. Миновать её до 1882 года, когда монополия была законодательно отменена, не мог никто.

Истоки подобного положения вещей восходят к началу XIX века. Уже с 1803 года Дирекция получила исключительное право на устройство публичных маскарадов, а в 1804-м последовало высочайшее распоряжение на предоставление ДИТ монопольного права на печатание театральных афиш в Петербурге. С 1811-го то же касалось и Москвы. Концертные афиши тоже подпадали под это правило. В 1808-м последовало запрещение частным театрам принимать на службу артистов Императорских театров¹. Так обозначились первые признаки монополии. Окончательно она была закреплена Положением об императорских театрах, последовавшем в 1827 году.

Относительно концертов ДИТ поначалу не так свирепствовала, как по отношению к представлениям: ведь деньги, собираемые с концертов, были несопоставимы с театральными сборами. Однако с течением времени, когда московская публика стала проявлять большую заинтересованность в публичной музыкальной жизни, Дирекция решила захватить

и этот сегмент рынка. Помимо концертов в пользу инвалидов, которые вовсе не приносили Дирекции дохода (а порой приносили только убытки), с 1827 года в Великий Пост стали устраиваться ежегодные «концерты от Дирекции». Но они не встречали успеха из-за конкуренции. 21 февраля 1828 года тогдашний директор Кокошкин писал Министру императорского двора об их убыточности и предполагал больше не давать². (Действительно, концерты от Дирекции впоследствии были или очень редкими, или шли в комплекте с живыми картинами, что больше нравилось публике.)

Но предприимчивые чиновники из ДИТ нашли выход. Вместо концертов от Дирекции было предложено сдавать в аренду либо сам театральный зал, либо концертную залу Большого театра. Сначала арендная плата за Большой театр составляла 100 руб., позже она возросла до 150 за Большой театр и 100 за Малый. В некоторых случаях лично директор ДИТ делал исключение: например, не взималось платы с Генриетты Зонтаг за концерт, данный 5 августа 1830 года.

Деятельность ДИТ под лозунгом «держать и не пущать» шла сразу по нескольким направлениям. Одно из них – фискальное. Дирекция строго следила за проходившими концертами и как только видела нарушения заведённого порядка, сразу же сигнализировала начальству. Особенно много нареканий вызывали музыкальные вечера, устраиваемые частными лицами и различными Обществами, о чём свидетельствуют приведённые ниже документы.

Его Превосходительству Господину Московскому
Обер-Полицеймейстеру
мая 4 дня 1856 года № 581

Контора императорских Московских театров усматривая из публикаций в Полицейских ведомостях, что некоторые лица, не испрашивая дозволения от Конторы, объявляют, а иногда и без объявлений дают разные увеселения, извещая

впрочем Опекунский совет, который и получает чрез отряженного чиновника следующую ему по закону часть, Контора Московских театров, не имея часто в виду, в особенности, даваемых без публикации увеселений, не может распорядиться получить следующую ей 10-ю часть со сборов по § 23 и 24 Высочайше утверждённых Правил 7 марта 1854 года, а потому и покорнейше просит Ваше Превосходительство не позволять никаких зрелищ и увеселений, пока не представят от Конторы надлежащего дозволения.

Управляющий конторой (без подписи)³

10 апреля 1858 года № 650
В канцелярию господина
Директора Императорских театров

Московские клубы в продолжение нескольких лет ограничивались при обеденных их столах и вечерах клубских приглашением хоров, цыган и оркестров музыки, в настоящее же время означенные клубы начали приглашать для членов своих и гостей бесплатно разных фокусников, допускают концерты, драматическое чтение и другие представления, не испрашивая разрешения Конторы, а посему Контора Императорских Московских Театров просит оную Канцелярию уведомить, какие существуют по сему предмету положения по С. Петербургской Дирекции для руководства по Московским Театрам⁴.

Иной раз начальство указывало своим подчинённым на недопустимость вольностей:

Министерство Императорского двора,
ДИТ, СПб, 3 декабря 1847

[Донесение о том, что 27 ноября 1847 от Московского Купеческого собрания был назначен музыкальный вечер с продажей билетов по одному рублю серебром]

По постановлению 6 февраля 1846 определено для назначения концертов от частных Обществ, иначе называемых и музыкальными вечерами, известное время в году Великий пост. Прошу сделать надлежащие распоряжения Купеческому клубу.

Гездеонов⁵

Не менее чем за местными клубами, следила ДИТ за приезжими концертантами. Камнем преткновения было время назначения концерта. Соблюдая свои финансовые интересы, Дирекция не позволяла, чтобы концерт совпадал с обычными для театральных представлений днями и часами. Вот одно из многих документальных свидетельств – донесение Министру от 1839 года:

Г. Министр

Чсть имею донести вашей светлости, что в течение зимнего карнавала приезжают в Москву многие артисты снабжённые рекомендательными письмами к первым здешним особам и посредством их требуют, чтобы Дирекция давала им вечер для концертов; тогда как для этого назначен весь Великий Пост.

Я до сих пор позволял давать сии концерты днём [последнее слово зачёркнуто, над ним нрзб. – Е. III.], основываясь на существующих по сему предмету правилах, но всегда имел от этого большие неприятности, и возбуждал против Дирекции жалобы.

Хотя в 14 томе свода законов ст. 182 и предписывает полиции при дозволении разных зрелищ сноситься с Театральной Дирекцией, чтобы эти представления были по возможности [подчёркнуто в документе. – Е. III.] соображены с общим течением театральных спектаклей и бенефисов и не вредили взаимно друг другу, но ничего не сказано такого, чтобы можно было решительно не позволять до Великого Поста публичных концертов, которые без всякого сомнения отвлекают публику от спектаклей, делают Дирекции явный вред.

А потому я покорнейше испрашиваю разрешения вашей светлости, должен ли без особых предписаний ваших позволять в течение зимнего карнавала вечерние концерты, или допускать, как это делалось и прежде, одни дневные концерты и музыкальные вечера, без публикаций и афиш. Я однакож считаю долгом присовокупить, что в первом случае в течение всей зимы будут даваться беспрестанно, к явному ущербу Дирекции, вечерние концерты, и что Москва делается ... [нрзб., может быть, сборным местом. – Е. III.] артистам, которым, сколько мне известно, в С. Петербурге не дозволяют, кроме вельми редких случаев, давать по вечерам публичные концерты, прежде Великого Поста.

Москва, 15 января 1839⁶

Особенно трудно было добиться концерта не в Пост. Например, в 1840 году в период Святка делается исключение для певицы Джудитты Пасты и пианиста Адольфа Гензельта. Пасте повезло больше: её концерт назначен вечером в субботу 4 января, когда только французская труппа даёт спектакли. Гензельту для концерта выделяются гораздо менее выгодные утренние часы⁷.

В привилегированном положении находились только гастролёры. Местные артисты не во время Поста получали отказ, даже если речь шла о благом деле. На прошение любителей дать в январе один и в Посту два концерта в пользу страждущих христиан в Иерусалиме им было разрешено дать все три концерта, но только в Пост⁸.

Но и в Пост всё регулировалось очень строго. Каждый сезон составлялось подробное расписание. Распределялись помещения Большого театра и другие московские залы. Если договорённость с конкретным залом ещё не была достигнута, выдавалось свободное разрешение. Со временем расписывались не только великопостные концерты.

Артисты Императорских театров имели серьёзные ограничения на участие в частных спектаклях и концертах:

Министерство Императорского двора.
Управление Московских императорских театров.
Циркулярно
[1863]
Гг. Артистам драматической и оперной трупп

На основании высочайше утверждённых 7 марта 1854 г. Постановлений, не дозволяется артистам драматической и оперной трупп императорских Театров участвовать без разрешения Дирекции в частных спектаклях и концертах, как в Москве, так и её окрестностях, а также в концертах, назначаемых от благотворительных обществ; артистам же драматической труппы воспрещается всякое чтение из театральных пьес.

Имею честь подтвердить Гг. артистам драматической и оперной трупп о непременном исполнении вышеприведённых Постановлений, даже в том случае, если частные концерты, музыкальные вечера будут даваемы с публикациями, без означения фамилии участвующих, или вовсе без публикаций.

И.Д. Управляющего Театрами⁹

Каждый раз, желая принять участие в каком-либо концерте, артист труппы или оркестра должен был обратиться с отдельной просьбой к руководству театра. Надо отдать должное Дирекции, им почти всегда шли навстречу. Так случилось, например, когда в 1857 году виолончелист А. Шмидт и скрипач К. Кламрот пожелали давать в течение ноября и до 20 декабря утром по воскресеньям три или четыре квартета для любителей музыки. Им это разрешили, «как заслуживающим по своим талантам и дарованиям и по усердной службе вознаграждения», присовокупив обязательную фразу о том, что «сии квартеты как исполняемые по утрам не могут вредить сборам Дирекции»¹⁰. Через два года пианисты Л. Онноре, А. Доор и Н. Рубинштейн, обратившись с просьбой дать четыре классических музыкальных утра для своих учениц (имелись в виду любительницы. – *Е. Ш.*) по воскресным дням с половины декабря и в течение января, также получили положительный ответ: «...таковые утра в отношении сборов Дирекции Театров помешать не могут и не делали никакого ущерба Дирекции, но напротив доставляли удовольствие исключительно любителям музыки, давая им случай слушать квартетную музыку»¹¹. Однако при этом им не разрешили задействовать в своих концертах таких оперных артистов, как Фодор, Мео, Бушек, Бендер, ссылаясь на §13 Правил от 7 марта 1854 года, запрещающих использовать в частных публичных концертах артистов итальянских и др. трупп без предварительного разрешения Дирекции. Певцы обратились с положенным заявлением и вопрос, в конечном итоге, был окончательно улажен, но, как видим, бумажной волокиты было предостаточно...

Почему вопрос об участии вокалистов решить было более сложно, чем с инструменталистами? Очевидно, если встать на точку зрения Дирекции, финансовый успех от концертов с участием вокальной музыки значительно превосходил камерные концерты.

Для того, чтобы оркестранты и певцы трупп императорских театров могли участвовать в концертах недавно организованного Московского отделения ИРМО, понадобилось прошение директора ИРМО в Петербурге Кологривова осенью 1863 года. В нём оговаривалось, что «если в члены Общества будут иметь право поступить и артисты Императорских театров, то занятия их в качестве Членов могут быть допускаемы только во время, свободное от служебных их обязанностей по Театральной Дирекции»¹².

Интересна реакция на это позволение. Вынужденно соглашаясь с петербургским начальством, управляющий Московской конторой пеняет на то, что участие в концертах ИРМО нанесёт ущерб их основной работе: «...за неимением в Москве других оркестров, мною всегда было дозволяемо музыкантам оркестров Императорских театров, в свободное от службы время участвовать в концертах Музыкального Общества, но дозволение солистам и оперным артистам участвовать в этих концертах неминуемо отвлечёт их от занятий своею службою, затруднит театральные репетиции и поведёт к уменьшению сборов Дирекции, даже под условием если участие в этих концертах будет дозволено только тем из них, которые будучи членами этого Общества, потому что Общество всегда может лучших из них сделать своими членами и таким образом публика будет иметь возможность слушать их, кроме Театра, в концертах, чрез что для Театра потеряется большая часть их интереса»¹³.

Поскольку в позволении 1863 года неясно было прописано, касается ли это только музыкантов оркестра, или певцов тоже, певцы, вплоть до середины 1880-х годов, по-прежнему были вынуждены каждый раз испрашивать персональные разрешения.

Помимо административной власти, в руках Дирекции находился и серьёзный *финансовый* рычаг: недешёвая аренда зала, кроме того, больше половины гонорара (!) артиста отчислялось в пользу Дирекции, не говоря уже об оплате «коммунальных услуг» – освещения и отопления. Кроме того, артисты были обязаны безвозмездно участвовать в ежегодном благотворительном концерте в пользу инвалидов или в одном из концертов «от Дирекции». Серьёзные ограничения накладывались на печатание афиш и публикацию объявлений в газетах. Чтобы формализовать отношения с артистами-просителями и избежать возможных недоразумений, в 1860 году ДИТ выпускает *Предписание артистам, желающим давать концерты*:

1. Дирекция Императорских Московских театров предлагает всех Гг. Артистов, как служащих, так и посторонних, желающих давать концерты в течение Великого Поста, что по небольшому числу дней, остающихся за исключением Дирекционных и Суббот, Дирекция, не стесняя Гг. Артистов отказом, будет в необходимости, в случае значительного числа желающих, давать дозволения в один и тот же день нескольким лицам.

2. По постановлению Дирекции, все посторонние Артисты, получившие дозволения на концерты, обязываются, по усмотрению дирекции, участвовать [безвозмездно] в концертах, даваемых ежегодно в пользу Инвалидов, или в одном из тех, которые даны будут от Дирекции, посему каждый получивший дозволение должен письменно изъяснить на то свое согласие¹⁴.

3. Гг. Артистам, получившим дозволение на концерт, запрещается печатать в Московских и Поллицейских ведомостях полные афиши своих концертов, они должны помещать в них только краткие объявления, а афиши и билеты на свои концерты печатать единственно в Типографии Императорских

московских театров, в противном случае они обязаны заплатить штраф на основании Контракта, заключённого Дирекцией и содержанием Типографии.

4. Гг. Артисты, желающие дать концерт в Малом театре, платят каждый раз за наём зрительной залы 100 руб. сер., кроме того, они платят также по 3 % с рубля с полного своего сбора в пользу Московского Воспитательного Дома [положение о 3% относилось только к артистам Императорских театров, см. об этом ниже. – *Е. Ш.*].

5. За освещение зрительной залы, оркестра и прочих мест в театре лампами и стеариновыми свечами платится по контракту Дирекции с содержанием освещения.

6. За оркестр платится по соглашению между концертантами и артистами оркестра Императорских Московских театров¹⁵.

Примечание. Гг. Артисты, желающие давать концерты в течение Великого поста, обязуются не делать в Ведомостях объявлений о своих концертах ранее первой недели Поста¹⁶.

К 1860-м годам существующий порядок, при котором ДИТ контролировала практически все аспекты концертной, а ещё более – театральной жизни, и чаще всего отрицательно влияла на развитие инициативы, не устраивал уже никого.

Ещё в 1858 году, в комплексной подготовке государственных реформ была создана докладная записка, в которой признавалось целесообразным разрешить частные антрепризы, но в секретной записке министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга было сказано об опасности такого рода дел, и Император

ему доверился. Ещё четверть века всё оставалось прежним. Но реформа 1882 года положила конец театральной монополии, высвободив гигантский предпринимательский и творческий потенциал. Главные изменения коснулись, конечно, частных театров. Но были и подвижки в области концертной деятельности. Основная из них – необязательность разрешения на устройство концерта от Дирекции. Одно препятствие было устранено. В борьбе за финансовые потоки Дирекция предприняла попытку создания концертов «от Дирекции», конкурентоспособных частным и музыкальным собраниям музыкальных Обществ. Для этого в течение одного сезона было дано два серьёзных концерта, в которых исполнялись крупные сочинения с совместным участием солистов, хора и оркестра. Но сборы были очень малы (1 тыс. руб., что в десятки раз меньше обычного сбора), поэтому более они не практиковались. К тому же, по мнению театрального начальства, исполнение концертов во время Великого поста отвлекало труппу от репетиций к следующему сезону¹⁷. Так пал последний бастион театральных концертов. Эта сфера была практически полностью отдана на откуп антрепренёров, а также крупных и мелких организаций филармонического типа. Для развития не только театральной, но и концертной жизни в России, в частности, в Москве, этот факт имел огромное значение, и среди прочих, сыграл немалую роль в подъёме музыкальной культуры Серебряного века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пилюгин А. А. Организационно-творческие проблемы императорских театров России второй половины XIX века: реформы 1882 года: дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2003. – С. 21–20.

² Погожев В. П. Столетие организации императорских московских театров (Опыт исторического обзора). Вып. 1. Кн. 3. Обзор с 1826 по 1831 год. – СПб., 1908. – С. 162–163.

³ РГАЛИ. – Ф. 659. – Оп. 4. – Ед. хр. 387. – Л. 67.

⁴ Там же. Ед. хр. 410. – Л. 56.

⁵ ЦИАМ. – Ф. 46. – Оп. 52. – Ед. хр. 189. – Л. 4–5. В том же деле – аналогичное донесение о музыкальном вечере в доме графини Паниной 11 января 1847 года.

⁶ РГАЛИ. – Ф. 659. – Оп. 4. – Ед. хр. 142. – Л. 53.

⁷ Там же. Ед. хр. 180. – Л. 55, 73.

⁸ Там же. Ед. хр. 410. – Л. 17–18.

⁹ Там же. Ед. хр. 454. – Л. 15.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 409. – Л. 123, 127.

¹¹ Там же. Ед. хр. 426. – Л. 111.

¹² Там же. Ед. хр. 454. – Л. 21.

¹³ Там же. Л. 19–20.

¹⁴ В фонде Московской конторы ДИТ в РГАЛИ хранятся подобные расписки, представленные пианистами Мусковым, Статковским, Гринберг, Мейером (см.: РГАЛИ. – Ф. 659. – Оп. 4. – Ед. хр. 124, 142); за несовершеннолетнего А. Рубинштейна в 1840 году расписались А. Виллуан и А. Статковский (РГАЛИ. – Ф. 659. – Оп. 4. – Ед. хр. 180. – Л. 2).

¹⁵ Артистам давали подписать смету и деньги требовали вперёд. Образец – см., например: РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 4. Ед. хр. 438. – Л. 49, 52, или: Ф. 659. – Оп. 4. – Ед. хр. 426. – Л. 5.

¹⁶ РГАЛИ. – Ф. 659. – Оп. 4. – Ед. хр. 438. – Л. 48–48 об.

¹⁷ Доходы и расходы Императорских московских театров до и после 1882 года / сост. П. Пчельников. – М.: Левенсон, 1897. – С. 52.

Шабшаевич Елена Марковна

кандидат искусствоведения,
доцент кафедры теории и истории музыки
Московского государственного института музыки
им. А. Г. Шнитке

